

Р. А. Будагов. История слов в истории общества. — М., изд-во «Просвещение», 1971. 270 стр.

Рецензируемая книга Р. А. Будагова обобщает и развивает многолетние размышления автора в области исторической и сравнительной семасиологии. Предметом исследования в ней является история слов (их появление, семантические изменения) в связи с историей общества, методом анализа — изучение эволюции лексических «микросистем», включающих 2—4 слова, в соотношении с историей обозначаемых ими понятий. Оба аспекта книги — предмет и метод — представляются исключительно актуальными.

Факторы семантической эволюции слов всегда были одним из кардинальных вопросов языкознания. Трудности этой проблемы связаны со сложным и противоречивым положением слова как в общей структуре языка, так и в каждом высказывании. С одной стороны, слово, несомненно — одна из важнейших единиц языка, если не основная его единица; оно представляет собой самостоятельную сущность не только для лексикографов, но и для любого носителя языка. С другой стороны, слово — компонент лексико-семантической системы, член лексико-семантических групп или семантических полей. Оно не является самостоятельной единицей коммуникации и входит в состав предложения, где, при взаимодействии с другими словами, подчас изменяется в своей семантике, оказываясь в подчиненном отношении к высказыванию. Не случайно философы, желая показать взаимодействие части и целого, особенно когда следует подчеркнуть относительную самостоятельность частей внутри целого, обращаются к языку, дающему сложные, но характерные примеры подобного соотношения¹. Противоречивое положение слова в языке обусловило два основных направления в современной семантике.

Ввиду подчиненного положения отдельного слова по отношению к лексической системе в целом и к структуре каждого отдельного высказывания, оно изучается в парадигматических связях (семантические поля и группировки) и синтагматических отношениях (семантическая синтагматика). Это в свою очередь вызвало широкое распространение таких приемов исследования, как компонентный анализ, позволяющий точнее определить значения слов в парадигматических рядах и взаимодействие этих значений при сочетании слов.

Однако это направление, приобретшее большую популярность, не является единственным направлением в современной семантике. Относительная самостоятельность слова как единицы языка делает не-

обходимым его изучение в непосредственном отношении его к обозначаемому понятию или объекту. Это направление («слово и вещь») получило в последнее время новый импульс, причем особое внимание уделяется не столько словам, обозначающим физические объекты, сколько так называемым «культурным» словам, тесно связанным с духовной и материальной культурой общества. Проблема «язык и общество» получает здесь свое наиболее полное освещение.

Книга Р. А. Будагова развивает именно такое направление в исторической семасиологии. Она состоит из вводной главы «Слова, вещи, понятия, отношения», семи исследовательских глав и приложений, содержащих этюды, дополнительно иллюстрирующие основные идеи книги. Само наименование вводной главы свидетельствует о важности рассматриваемых в книге проблем. В этой главе разбираются такие вопросы, как значение слова, соотношение слова с понятием и предметом, соотношение слова и действительности, отдельное слово и система в лексике, значение «ключевых слов» как признаков эпохи, влияние языка на людей и людей на язык, социальность языка. Основной пафос этой главы, как, впрочем, и всей книги, заключается в защите слова как самостоятельного объекта исследования. Не отрицая, разумеется, системности, взаимосвязи и взаимодействия элементов лексики, автор подчеркивает факторы, сообщающие слову его относительную самостоятельность. Подобно тому, как давление системы на часть (слово) проявляется в парадигматическом и синтагматическом плане, так и относительная самостоятельность слова, как отмечает это Р. А. Будагов, обнаруживается в обоих этих аспектах.

В синтагматическом аспекте самостоятельность слова определяется наличием в высказывании слов, которые, по выражению А. Блока, «светятся как звезды», т. е. слов, играющих роль опорных точек в тексте (стр. 32—33). В парадигматическом плане выделяются слова-ключи, типичные для определенной эпохи, стягивающие к себе различные явления социологического порядка (стр. 34—40). Французский лексиколог Ж. Маторе различал слова-свидетельства и слова-ключи (*mots-témoins* и *mots-clés*)². Первые, играющие определенную организующую роль в лексической системе языка, отражают важные изменения в материальном и духовном развитии общества. Таковы во Франции конца XVIII — начала XIX вв. слова *кокс*, *магазин*, *эзотерический*, отражавшие сдвиги в области промышленности, торговли, философии. Слова-ключи

¹ См.: Афанасьев В. Г., Проблема целостности в философии и биологии, М., 1964, стр. 73.

² G. M a t o r é, La méthode en lexicologie, Paris, 1953, стр. 65—70.

занимают более важное место в системе языка: они синтетически репрезентируют изучаемую эпоху, либо определенный аспект жизни общества. Таковы были слова *буржуа*, *пролетариат*, *художник* во Франции второй четверти XIX в. В наше время изучение «культурных слов», слов-свидетельств и особенно слов-ключей, получило большое развитие. Так, во Франции, наряду с известным трудом Бенвениста³, можно отметить более скромную по задачам, но не лишенную интереса работу Гугенема о связи французских слов с историей общества⁴. Изучение историко-социальной и современной политической лексики также побуждает исследователей заниматься прежде всего ключевыми словами⁵.

Р. А. Будагов устанавливает три типа выделяемости (самостоятельности) ключевых слов. Наибольшее значение из этих трех типов приобретают «культурные» слова, выступающие как выразители характерных признаков определенной эпохи. Таким словам и посвящены дальнейшие главы книги. Выбранные для анализа слова отражают различные аспекты человеческого бытия: человек и его умения (*наука, искусство, техника, машина*), человек и его окружение (*природа, натура, культура, цивилизация*), человек и его дарования (*талант, гений*), его настроения (*юмор, ирония*), искусство (*драма, комедия, трагедия*). Два очерка специально посвящены процессам дифференциации и контаминации в лексике (слова: *личность, персона, гуманность; романтизм, романтизм*). Три момента харак-

теризуют подход к анализу этих слов в книге.

Косериу отмечал два типа семантических изменений в диахронном плане: функциональное и нефункциональное. Нефункциональное изменение затрагивает только означающее, не касаясь означаемого. Так, французское слово *jument* «кобыла» сменяло *cavale*, которое в свою очередь заняло место слова *ive*. Функциональное изменение касается и плана содержания: вместе с означающим эволюционирует и означаемое. Так, внутри прежнего *chef* «голова» создалось противопоставление *chef/tête*. *Tête* не просто заменило слово *chef*, но вступило с ним в определенные семантические отношения, взяв на себя часть его функций. Невозможно изучать эволюцию одного из них, не касаясь другого⁶. Если в первом случае имеет место лишь ономаσιологическое изменение, то во втором — подлинно семасиологическое. «Культурные» ключевые слова, о которых идет речь в рецензируемой книге, относятся к лексемам второй категории. Здесь, как отмечает во вводной главе Р. А. Будагов, приходится вести исследование одновременно на двух уровнях, проводя анализ как самого слова, так и обозначаемого им понятия (явления). Поскольку функциональные семантические изменения всегда связаны с системными отношениями между словами, именно к ним в первую очередь приложимы слова Бальдингера о том, что всюду, где речь идет об истории слова, вместе с тем идет речь и об эволюции системы⁷. Поэтому не случайно, что все рассматриваемые Р. А. Будаговым слова исследуются не «в одиночку», но в их системных отношениях с ближайшими соседями — синонимами (например, *культура* — *цивилизация*) или антонимами (*культура* — *натура*). Таким образом устраняется односторонность как «лингвистического атомизма» (отрыв элемента от связанных с ним элементов в системе), так и «лингвистического холизма» (непризнание относительной самостоятельности элементов внутри целого). Соотношение целого и части в приложении к изучению эволюции слов получает в книге Р. А. Будагова диалектическое истолкование, что особенно ценно в общеметодологическом отношении.

Второй, исключительно важной чертой исследования является сама его диахроническая направленность. Л. В. Щерба говорил, что в истории языка нужно проследивать не

³ E. Benveniste, *Le vocabulaire des institutions indoeuropéennes*, 1—2, Paris, 1970.

⁴ G. Gugenheim, *Les mots français dans l'histoire et dans la vie*, 1—2, Paris, 1968.

⁵ См., например, анализ терминов *féodal* и *seigneurial* в средневековых текстах в ст.: R. Robin, *Histoire et linguistique, premiers jalons, «Langue française»*, 9, 1971, важнейших терминов политического словаря в ст.: J. B. Marcellesi, *Socialisme: monosémie et polysémie, «Langue française»*, 4, 1969; G. Provost, *Approche du discours politique: «socialisme» et «socialiste» chez Jaurès, «Langues», 13, 1969; W. Krauss, Zur Bedeutungsgegeschichte von «materialisme», сб. «Struktur und Funktion des sozialen Wortschatzes in der französischen Literatur», Halle (Saale), 1970; егo же, *Zur Bedeutungsentwicklung von «révolution»*, там же. См. также материалы коллоквиума по политической лексикологии в Сен-Клу (1968) в «Cahiers de lexicologie», 13 (1968), 14, 15 (1969). Для выявления слов-свидетельств большой интерес представляют сборники «модных» слов типа «Les mots „dans le vent“», Paris, 1971.*

⁶ См.: E. Coseriu, *Pour une sémantique diachronique structurale, «Travaux de linguistique et de littérature de Strasbourg»*, II, 1, Paris, 1964.

⁷ K. Baldinger, *L'etymologie d'hier et d'aujourd'hui, «Cahiers de l'Association internationale des études françaises»*, 11, 1959.

судьбу прошлого, но генезис настоящего⁸. Такая точка зрения последовательно проводится в рецензируемой книге. Например, значения слов *личность*, *персона*, *гуманность* в переходную эпоху Возрождения анализируются не только в плане «обращения назад», к античности, но главным образом в плане их обращенности вперед, к новому пониманию природы человека (стр. 143). Это позволяет понять, как формировалось новое значение «человек в его достоинстве» у слова *личность*, как происходило разграничение антропологических и морально-этических аспектов у слова *humanitas*, как и почему возникло слово *гуманизм* и т. д. Ориентация на современность придает дополнительный интерес и поучительность книге: читатель не просто знакомится с судьбой отдельных слов, но и постигает, каким образом создавались, переплетались, дифференцировались понятия, играющие важнейшую роль в духовной жизни современного человечества, почему те или иные слова не могли ранее определенной эпохи получить те значения, которые являются основными для них в наши дни.

И еще одна особенность. Глубокий анализ материала с привлечением интереснейших сведений из различных областей знания служит не только для того, чтобы показать историю данных слов в связи с эволюцией соответствующих понятий. В каждой главе исследование конкретного материала выступает как подтверждение выводимого автором какого-либо определенного закона семантической эволюции слов, и прежде всего, слов, относящихся к сфере культуры. Этот аспект исследования представляется нам особенно интересным, и мы остановимся подробнее на некоторых из этих закономерностей.

Первая, наиболее общая из них: возникновение слов, дифференциация значений слов в связи с дифференциацией понятий, сфер деятельности. Это — одна из существенных закономерностей в развитии слов-ключей. Наука и искусство первоначально не расчленились, отмечает Р. А. Будагов (стр. 71), о чем свидетельствуют данные различных языков. *Science* и *art* в старофранцузском языке использовались как синонимы. Техника также не вычленилась первоначально из искусства в широком плане, что подтверждается происхождением от общего корня *art* французских слов *artisan* «ремесленник» и *artiste* «художник» (к этому можно было бы добавить, что до сих пор французские слова *oeuvre* и *ouvrage* означают не только художественные произведения, но и инженерные сооружения). Возникновение

современной науки в эпоху Возрождения привело к разграничению пары *science/art*. Промышленная революция XVIII в. привела к переосмыслению и к превращению в ключевые слова vocabul *техника*, *индустрия*, *машина* (стр. 79 и сл.). С этой семантической трансформацией связана и дифференциация переносных значений слов. *Искусство* обозначает мастерство в плане «внутреннего мастерства» («дарование»), *техника* — в плане «внешнего мастерства» («навыки») (стр. 91). Отметим, что этот вывод полностью подтверждается данными французского языка, где сохранившееся у слова *art* значение «техническая деятельность» свойственна ему только в форме множественного числа: разграничение значений сопровождается частичной дифференциацией форм. Недостаточная расчлененность искусства и науки препятствовала, оказывается, и слову *гений* приобрести в ту эпоху современное значение (стр. 164).

Вторая закономерность: превращение лексемы в ключевое слово сопровождается перестройкой ее семантической структуры. «Культурное» значение слова может развиваться на базе одного из его значений, может быть и не самого важного. Но как только это значение стало ключевым, все остальные смыслы этого слова, не согласующиеся с данным значением, отходят на второй план, попадают в разряд архаизмов или же совсем устраняются из его семантической структуры. Разумеется «ключевое» слово не превращается сразу же в моносемический термин, оно развивается по тем же законам, что и другие слова языка, но его многозначность проявляется в сфере его нового «ключевого» значения, его новые значения оказываются производными от «ключевого» значения и образуются путем переноса или специализации этого теперь уже основного значения слова. Данная закономерность прекрасно иллюстрируется в книге историей слов *art* и *technique*. Оба они первоначально содержали значения «уловка», «хитрость», которые исчезают по мере того, как эти слова начинают обозначать ключевые для данной эпохи понятия. Дальнейшие переосмысления слов связаны уже с новыми их значениями (стр. 74, 91). Это «очищение» ключевых слов от побочных значений, их закрепление за определенным кругом понятий является предпосылкой другой закономерности их развития — тенденции к терминологизации — на которой мы остановимся ниже.

Третья закономерность: понятие «обгоняет» слово, оно возникает раньше, до того, как становится значением слова, которое исторически оказывается его выразителем (стр. 126). В области материальной деятельности мы имеем дело с обратной тенденцией: обозначение (слово в данном значении) появляется

⁸ Л. В. Щерба, И. А. Бодуэн де Куртене, Некролог, «Изв. по русскому языку и словесности» АН СССР, III. кн. 1, 1930, стр. 319.

вместе с изобретением предмета. В области духовной жизни определенное понятие, к которому общество пришло в силу своей эволюции, может получать различные «случайные», описательные неспецифические обозначения прежде, чем оно находит окончательную форму своего выражения. Формулируя этот закон, Р. А. Будагов иллюстрирует его рядом убедительных примеров. Так, до появления слова *культура* в его современном значении, соответствующее понятие уже формировалось в сознании людей, некоторые ученые специально разрабатывали его (например, Дж. Вико). Однако это понятие выражалось тогда словами *civiltà, umanità* (итал.), *police, courtoisie* (франц.), *Bildung* (нем.) и др. (стр. 127). Об этом же рассказывается и в изысканном очерке, посвященном слову *драма*. Когда в XVII—XVIII вв. изменились эстетические взгляды и назначение театрального искусства, появилась потребность обозначить пьесу вообще, независимо от ее принадлежности к жанру комедии или трагедии. Вначале с этой целью стало использоваться в расширительном значении слово *комедия*, как немаркированный член оппозиции *комедия/трагедия* (это значение сохранилось, в частности, во французских словах *comédien, Comédie-Française*), позднее появилось слово *драма*, уступившее в дальнейшем свое место слову *пьеса* (стр. 202). И здесь понятие предшествовало слову, которое стало его точным обозначением.

Четвертая закономерность: «ключевое» понятие, приобретающее особую важность в жизни общества, получает почти одновременно несколько обозначений, конкуренция между которыми способствует дифференциации понятий и составляет внутреннюю основу семантического развития этих слов (стр. 123). Эта «избыточность», как отмечает Р. А. Будагов, дает возможность тонко дифференцировать оттенки понятий. Но вместе с тем, она наблюдается нередко в силу того, что идея, «носящаяся в воздухе», ставшая необходимой человечеству, падает в разные умы, получая при этом различные наименования, а также потому, что избыточность средств обозначения обеспечивает фиксацию и сохранение важного понятия. Множественность обозначений и борьба между ними получает в книге наглядное представление на примере слов *культура* и *цивилизация* (стр. 123).

К этой закономерности примыкает пятая: сходжение и расхождение смысловых ареалов слов, как основа их внутреннего развития. Слова, относящиеся к сфере духовной культуры, обозначают понятия с нечеткими границами. Философы, историки, писатели или лингвисты, пользующиеся этими словами, вкладывают в них порой различное содержание, иногда весьма специфиче-

ское и индивидуальное (см. разбор особого понимания слова *гений* у Канта, стр. 170). В связи с этим парные термины то синонимизируются, то расходятся в своих значениях, превращаясь подчас в омонимы. Это способствует шлифовке семантики слов, но в этом проявляется вместе с тем и поступательное развитие мысли. Перипетии развития значений слов в их оппозициях разбираются в книге при анализе пар: *природа — натура, культура — цивилизация, талант — гений* и др.

В этой борьбе проявляется еще одна тенденция, свойственная изучаемым словам — тенденция к терминологическому образованию. Ограничение плана содержания данного слова, включение его означаемого в систему понятий, освоение его определенной философской или эстетической теорией, приводит к тому, что слово превращается в термин. Это наглядно показано на истории слова *юмор* (стр. 193 и сл.) и особенно слова *романтический, романтизм* (стр. 224—239).

Материал книги иллюстрирует известные семантические законы, например формирование отвлеченных значений на базе вещественных значений слов (см. анализ слов: *персона* — стр. 135 и сл., *талант* — стр. 157 и сл., *юмор* — стр. 176), а также некоторые закономерности семантического развития слов, выявленные и описанные автором ранее в его других работах, например, роль промежуточного звена в развитии значения слова (см. историю слова *драма* и др.).

Сама проблема «история слов в истории общества» ставит перед исследователем чрезвычайно сложные задачи. В данной книге речь идет не о какой-нибудь отдельно взятой стране, но о Европе в целом. Поэтому выявляется прежде всего то общее, что свойственно словам разных языков: русским, французским, английским, немецким, испанским, итальянским, обозначающим понятия, общие для европейской культуры. Мы видим, что французское слово *art*, немецкое *Kunst* и русское *искусство*, имеющие разную этимологию, более близки друг другу в их основных современных значениях, нежели французское *art* и латинское *ars*, этимологически связанные друг с другом. И это объясняется существенными изменениями, происшедшими в жизни Европы за двадцать столетий. Но при этом автор систематически отмечает различия в оттенках значения сопоставляемых слов в разных языках: разницу между русским *искусство* и французским *art*, между словами *личность* и *personne*, *драма* и *drame*, русским словом *цивилизация*, французским *civilisation* и английским *civilization*. Это постоянное внимание к соотношению между общим и особенным в развитии данных слов — одна из сильных сторон рецензируемой книги, важная в методологическом отношении. Слово — атом языка, и подобно

атому, оно неисчерпаемо. В отдельных случаях, однако, можно было бы внести дополнительные уточнения в историю слов. В книге (стр. 109) отмечается, что слово *культура* переходит от обозначения процесса («культивирование») к обозначению субстанции постепенно, тогда как слово *цивилизация* сразу осмысливается как обозначение состояния, а не действия. Это действительно имеет место в английском и русском языках. Во французском же языке это слово появилось впервые, по данным словаря «Малый Робер», в 1734 г. с процессуальным значением «приобщение к культуре», «воспитание культурности», «смягчение нравов». Значение же состояния — «совокупность черт, свойственных более развитым человеческим обществам» — фиксируется только в 1828 г. Примеры на первые употребления этого слова, приводимые Бенвенистом⁹, показывают процессуальное значение термина. И современные французские словари отмечают это значение в качестве исходного, иллюстрируя его такими примерами, как *La civilisation de la Gaule par Rome fut rapide* (Grand Larousse, 1972). Значение слова «цивилизация» было предметом специального обсуждения на Симпозиуме преподавателей французского языка в 1970 г., где было установлено, что слово это имеет два основных значения, устаревшее (= *acculturation*) и современное: «совокупность черт, свойственных какому-либо обществу» (без противопоставления первобытных и развитых обществ), и что в этом смысле оно полностью соответствует одному из значений слова «культура» в английском и испанском языках (можно прибавить, и в русском)¹⁰.

Таким образом во французском языке слово «цивилизация» проделала тот же путь, что и слово «культура», перейдя от выражения процесса к обозначению состояния, с той разницей, что если слову «культура» для этого понадобилось, как отмечает Р. А. Будагов, несколько столетий, то лексема «цивилизация» претерпела такое изменение за несколько десятков лет.

Рецензируемая книга представляет двоякий интерес: методологический и познавательный. Выведение общих закономерностей, свойственных историческому развитию слов «культурного слоя», подтверждение ряда общих семантических законов, принципиальный и постоянный учет диа-

лектического единства между частью и целым, соотношения между общим и особенным в поступательном развитии языка, материалистический взгляд на отношение между словами и вещами, а следовательно и на язык в целом, все это делает книгу важным вкладом в методологию историко-семасиологических исследований. Но книга эта ценна и в познавательном отношении. Перед читателем проходит — отраженная в магическом кристалле слов — панорама духовной жизни Европы, от античности до наших дней, ее история, философия, искусство. Сквозь эволюцию значения слов автор показывает различие древнего и современного мирозерцания людей, формирование новых понятий, с которыми связываются слова, играющие ведущую роль в семантической системе современных европейских языков. Хотя исследуемые слова относятся к разным сферам человеческого бытия, они объединяются, как это показывается в книге, внутренними связями, как бы отражая единую сеть понятий. Исследование Р. А. Будагова показывает, что большинство из этих слов возникло или приобрело нынешнее значение в европейских языках в XVIII в., который предстает, следовательно, как эпоха становления многих ключевых элементов современной системы идей. Лингвистические данные отражают с большой точностью ту роль, которую этот век — век промышленной революции и философии просветителей, век зарождения трех составных частей марксизма — сыграл в истории европейских народов.

В целом книга «История слов в истории общества» дает пример историко-семасиологического исследования, подтверждая необходимость и намечая пути разработки проблемы «язык и общество» в их исторической взаимосвязи. Некогда филология включала в себя и лингвистику, и историю литературы, и элементы истории культур. Затем эти дисциплины отделились друг от друга, чтобы через несколько десятилетий вновь объединиться, но уже на новой основе. Чем дальше развивается семантика, тем становятся все яснее, что ее проблемы не могут быть удовлетворительно разрешены вне отношений «язык — действительность», «язык — история», «язык — общество». Новая книга Р. А. Будагова, удачно синтезирующая проблематику лингвистики с историей культуры и, шире, историей общества, будет способствовать плодотворному направлению семасиологических исследований и утверждению взгляда на язык как на социально-историческое явление.

В. Г. Гак

⁹ E. Benveniste, *Problèmes de linguistique générale*, Paris, 1966, стр. 338—339.

¹⁰ «Le français dans le monde», 78, 1971, стр. 10.